

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь, опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие,

многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас — читателей — по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива: здесь в самый раз... всего — и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

Убийца не испытывал ненависти. И жалости к жертве не испытывал.

Жертва не заслуживала его жалости.

Убийца жалел только о том, что не догадался решить вопрос раньше и теперь действовать приходится в спешке.

22 сентября, четверг

Дождь шел вторые сутки. Иногда стихал, потом снова усиливался. Сентябрь в этом году выдался холодный, Нина такого не помнила. Несколько дней назад включили центральное отопление, и она начала ждать весну. Весной, по прогнозам военных аналитиков, спецоперация должна закончиться, и жизнь опять станет предсказуемой.

Вообще-то, Нина всегда ждала весну, даже когда жила с Геннадием и все ее мысли были сосредоточены на нем. Тогда ей казалось, что весной он обязательно поправится и счастье будет переполнять их всю оставшуюся жизнь.

Весной ему действительно стало лучше, и он поместил Нину на Юлю.

Давно надо было перестать ждать чуда, а она ждала.

Она всю жизнь чего-то ждала. Сначала ждала, когда Геннадий на ней женится. Потом, когда они поженились, ждала его с бесконечных встреч и мероприятий. А потом он заболел, и она ждала, что он поправится.

Дождь стучал по подоконнику, мешая сосредоточиться.

Дверь кабинета бесшумно открылась, Виктор с любопытством посмотрел на Нину.

Он всегда смотрел на нее с любопытством, словно она была для него незнакомкой с непредсказуемым поведением.

На самом деле она всегда вела себя согласно правилам, она старалась быть вежливой и приветливой, и это, кажется, у нее неплохо получалось.

— Витя, ну что ты так смотришь? — засмеялась Нина.

Ей нравилось, когда он заглядывал к ней в кабинет.

— Как? — он подвинул стул и сел рядом с ней. Повернул экран компьютера, посмотрел, чем она занимается.

Она просматривала условия очередного тендера.

— Как будто впервые видишь.

Виктор оторвался от компа, заглянул ей в лицо и стал смотреть в окно.

— Тебе надо отдохнуть, — посоветовал он.

Она не была в отпуске два года. Не потому что дела не позволяли, потому что без работы вероятность сойти с ума сильно возрастала.

Представлять себя одной даже на пляже Нине решительно не хотелось. Сейчас же попасть на теплый пляж стало почти невозможно.

Ей не хотелось на пляж, ей хотелось, чтобы Виктор почаще к ней заглядывал.

— Хочешь, съездим куда-нибудь на недельку?

— Не хочу, — покачала головой Нина.

Витя замечательный друг, но он не нянька, чтобы вытаскивать ее из депрессии.

Она отлично знала, как это тяжело — вытаскивать из депрессии. Она постоянно занималась этим с Ген-

надием. Гена сдался сразу, как только узнал свой диагноз. Она пыталась его отвлечь, но получалось это плохо.

— На тендер надо идти, — сказал Виктор.

— Конечно надо, — подтвердила она.

В этом тендере им ничего не светило. Работа достанется конкурирующей фирме, об этом Нине по секрету шепнул один из членов комиссии.

Но документы подать надо. Надо постоянно мелькать, быть на слуху. Делать так, чтобы фирма была известна всем, кто имеет хоть какое-то отношение к отрасли.

Виктор молча посидел минуту и вышел.

Они всего лишь коллеги. То есть партнеры. Но Нине иногда казалось, что человека ближе у нее нет и, если Виктор неожиданно исчезнет, она останется одна на всем белом свете.

Заиграл мобильный. Нина порылась в сумке, достала телефон.

Как ни странно, звонил свекор. То есть бывший свекор.

Нина не помнила, чтобы он когда-нибудь ей звонил. Раньше, когда она жила с Геннадием, она перебивалась со свекровью. После того, как Геннадий предпочел Нине Юлю, свекровь звонила Нине дважды в год: на день рождения и перед Новым годом. Нина не звонила свекрови совсем. Ну и свекру тоже, конечно.

— Да, Илья Никитич, — вежливо поздоровалась Нина. — Здравствуйте.

— Гена умер, — глухо сказал свекор. — Умер сегодня утром. В больнице.

— Я вам очень сочувствую, — вежливо ответила Нина. — Примите мои соболезнования.

— Я тебе позвоню, скажу, когда похороны.

Нина промолчала. Она не собиралась хоронить бывшего мужа. С какой стати? Она ему кто? Родственница? Подруга?

Он сломал ей жизнь, и она его ненавидела.

Нет, не так. Ненавидела она не его, Юлю. Юля не дала ей исполнить свой долг и за это себя уважать. Из-за Юли Нина уже два года боялась встретиться с прежними знакомыми. Пришлось бы что-то объяснять, оправдываться и понимать, что оправдания выглядят неубедительно. О Геннадии она думала с тоской и болью, но без ненависти.

Она бы вернулась к нему, если бы он снова ее позвал.

Она законченная идиотка.

Свекор помолчал и отключился.

Нина бросила телефон в сумку, ту швырнула на стул. Отъехала от стола и быстро прошла по кабинету.

Как рассвирепевшая кошка.

Она иногда казалась себе кошкой, желающей выцарапать Юле глаза.

Хорошо, что об этом никто не знает. Это очень стыдно — выцарапывать глаза.

Она снова подошла к столу, выключила компьютер. Потянулась к внутреннему телефону: нужно предупредить Виктора, что она уходит.

Она будет бесцельно бродить по городу, чтобы мысли пришли в порядок.

Она так делала, когда Геннадий ей сказал, что ему нужна Юля.

Опять зазвонил мобильный. Нина положила на место снятую трубку внутреннего аппарата.

Звонок был от мамы.

— Сейчас звонила Любовь Васильевна, — мамин голос прозвучал устало. — Гена умер.

— Знаю. Илья Никитич только что позвонил. — Нина усмехнулась. — У них разделение труда, он позвонил мне, она тебе.

— Нина! Не ерничай! Господи! Как мне их жалко... Нине давно не было жалко никого, кроме себя.

— Жалко, — подтвердила Нина.

Они знали, что сын смертельно болен. У них было время привыкнуть к этой мысли.

Это у Нины жизнь оборвалась неожиданно и мгновенно. Только ее никто не жалел, когда у нее не стало Геннадия и заботиться стало не о ком.

— Похороны будут во вторник или в среду.

— Какая мне разница, мама! — Нина не сдержалась, повысила голос.

— Нина! Опомнись! Вы много лет были вместе. Ты должна похоронить мужа!

— Я никому ничего не должна! И он мне давно не муж! Как ты себе это представляешь? В каком качестве я там появлюсь? Будем вдвоем с Юлькой у гроба стоять?

— Надо пойти, Ниночка, — Нине показалось, что мама всхлипнула. — Всегда надо поступать по-людски. Вы много лет были вместе...

— Я подумаю, — перебила Нина. — Пока, мама, я занята.

Нина распахнула платяной шкаф, надела куртку и неожиданно опустилась на ближайший стул.

Желание бродить по улицам пропало.

* * *

Илья Никитич боялся смотреть на жену. Люба не плакала, сидела в кресле и молча смотрела в окно.

Уж лучше бы плакала.

Илья вышел на кухню, заварил жене чай. Сделал его по своему вкусу, крепкий и почти не сладкий.

— Выпей, — вернувшись в комнату, сунул жене чашку.

— Спасибо, — она послушно обняла чашку пальцами, не отрывая глаз от окна.

Кроме темного серого неба, за окном ничего не было.

Врачи еще месяц назад, пряча глаза, сообщили, что прогноз неблагоприятный.

Ничего нельзя было сделать не только у нас, за границей тоже. Несколько лет назад Илья, собрав все имеющиеся деньги, отправил сына в Германию. Немецкие врачи тоже не обещали чуда, но здоровье сына после лечения заметно улучшилось.

Все понимали, что улучшение ненадолго, и Гена тоже, но сын тогда повеселел и даже сделал то, чего Илья от него совсем не ожидал, — разошелся с Ниной.

Поступок был отвратительный. Не столько потому, что поменять женщину, с которой прожил десять лет, на более молодую некрасиво само по себе, сколько потому, что Нина долго, самоотверженно и преданно за ним ухаживала.

Люба сноху недолюбливала, выискивала в Нине недостатки. Находила, конечно. В каждом человеке можно найти недостатки, если постараться.

— У нее опять новое пальто! — зло сжимала губы Люба.

— Она бизнесмен, ей нельзя плохо выглядеть, — пытался заступиться за сноху Илья. — На переговоры надо являться в подобающей одежде.

Получалось только хуже.

— Она думает об одежде!.. Не о Гене, а об одежде! О переговорах!

Люба начинала плакать, Илья молча ее обнимал.

Нине приходилось думать о делах, потому что семью содержала она. Илья, конечно, совал сыну деньги, оторванные от скромной профессорской зарплаты и двух пенсий, его и Любиной, но суммы были явно недостаточными.

Сын деньги брал.

Когда встал вопрос о лечении за границей, Илья и Люба продали дачу.

Если бы не эта проданная дача, после развода с Ниной Гене совсем не на что было бы жить.

Люба отпила чай, поставила чашку на журнальный столик.

— Померь давление, — посоветовал Илья.

— Не хочу!

Он принес тонометр, сунул руку жены в манжету. Давление оказалось повышенным, но не слишком.

Как ни странно, новая Генина подруга не вызывала у Любы явного неприятия. Люба смотрела на новую сноху как на не очень умного ребенка и совсем ее не обсуждала.

Илья сына не понимал. Не только потому, что поменять умную преданную Нину на пустышку Юлю казалось ему чем-то просто ненормальным, но и потому, что он, не считая себя хорошим психологом, не мог не видеть того, чего не замечали жена и сын. Юля была не только неумной, она была злой и хитрой.

Впрочем, может быть, тогда он просто себя в этом убедил, потому что Нина ему нравилась.

Нина нравилась, а Юлю он с трудом выносил.

О том, что Юля действительно наглая и бессердечная, он узнал позже.

— Я позвонил Нине, — сказал Илья, стараясь поймать глаза жены.

Она равнодушно кивнула.

— Хочешь послушать музыку?

В последнее время слушать музыку стало любимым Любиным занятием. Она включала что-то симфоническое и блаженно закрывала глаза. Илья подзревал, что под звуки фортепьяно жена попросту дремлет.

Сам он к классической музыке был совершенно равнодушен и с удовольствием послушал бы что-нибудь другое. Какие-нибудь старые советские песни.

А еще лучше совсем ничего бы не слушал, потому что готовиться к лекциям с каждым годом становилось труднее, и времени на отдых в тишине требовалось больше.

— Не хочу!

Что еще предложить жене, Илья не представлял.

— Принеси мне трубку.

Он послушно сходил за трубкой городского телефона.

— Хочу позвонить Наталье.

— Какой Наталье? — не понял Илья.

— Нининой матери! — Люба поморщилась. — Странно, что ты ее забыл. Она же тебе так нравилась!

О том, что родители Нины ему симпатичны, Илья сказал лишь однажды, после первого знакомства.

Спокойная дружелюбная пара ему действительно понравилась.

Больше он об этом не заикался, потому что жену положительная характеристика отчего-то возмутила. О причине Илья догадывался. Он и Наташа когда-то учились в одном институте и, конечно же, какое-то время пообсуждали и вуз, и современное состояние инженерного дела.

Люба такие разговоры терпеть не могла.

Илья ее понимал и жалел. Люба не работала с тех пор, как родился Гена, и в глубине души завидовала работающим женщинам. Особенно тем, кому их работа нравилась.

У нее было медицинское образование, она могла устроиться на работу в любой момент, но предпочитала сидеть дома. Илья понимал, выслушивать жалобы больных утомительно, и выстраивать отношения с коллегами утомительно, он только не понимал, почему у нее вызывают раздражение те, кому кажется утомительным сидеть дома.

— Наташа, это Люба, — сказала жена в трубку.

У нее совсем нет подруг, с тоской осознал Илья. Нет коллег, с которыми можно поговорить о пустяках и о чем-то серьезном.

У нее нет никого, кроме Ильи.

— Гена... Он умер.

Жена наконец заплакала.

Илья пошел на кухню, достал валидол. Сердце тянуло со вчерашнего дня, но он не знал, какие таблетки нужно принимать в таких случаях. От валидола, по крайней мере, вреда не будет.

Он не может позволить себе умереть, Люба останется совсем одна.

* * *

Телефон зазвонил не вовремя. Виктор собрал небольшое совещание, трое программистов, выполняющие разные части схемы, как обычно, переругивались, а он, как обычно, их мирил. На современном языке это называется решать вопрос.

— Витя, я ухожу, — быстро сказала в трубку Нина.

Так быстро и сухо она разговаривала, когда еще была для него никем. Собственно, она и сейчас была для него никем. Приятельницей с работы.

— Подожди минуту, — попросил он, а программистам сказал: — Все, ребята, расходимся.

Расходиться было рано, вопрос, по которому они собрались, окончательно решен еще не был, но он, не дожидаясь, когда парни выйдут, быстро прошел к кабинету Нины.

Она сидела на стуле в распахнутой куртке. На него посмотрела жалко и виновато.

— Что случилось? — он привалился спиной к косяку двери. — Плохо себя чувствуешь?

Когда-то она ему не нравилась. Неприязни не вызывала, но и симпатии тоже. Она была слишком деловая и суровая, словно не женщина, а робот, у которого нет никаких чувств, только заложенная внутри программа. Программа предполагала выполнение как можно большего количества работы.

Сейчас он затруднился бы объяснить, какие чувства она у него вызывает. То ли жалость, то ли что-то еще. Иногда она напоминала ему дворовую собаку, которую он по доброте душевной изредка подкармливал.

Впрочем, в Москве давно не было дворовых собак.
— Умер мой бывший муж. — Она отвела глаза и уставилась в стену.

На стене висел календарь с логотипом фирмы. Такие календари висели во всех офисах и никому не были нужны. Нужно прекратить их заказывать.

Он не стал выражать соболезнования. Он хорошо помнил тот вечер, когда она в первый и единственный раз к нему пришла.

Тогда он уже знал, что у нее тяжело болен муж и за любую работу она хватается, потому что ей нужны деньги. Тогда он ей уже сочувствовал.

К тому времени они уже были не просто коллегами, они стали компаньонами.

В тот вечер он позвонил ей, потому что случайно узнал, что завтра к потенциальным заказчикам приезжают конкуренты. Послушать, о чем пойдет разговор, было необходимо, и никто не умел ненавязчиво являться на такие мероприятия лучше Нины.

У нее был поразительный талант переговорщика.

Виктор тогда ехал домой, он очень устал и о проблеме говорил торопливо и неохотно, стараясь поскорее отключиться от служебных дел. Нина молча слушала. Она всегда слушала его внимательно и молча. Как он уловил, что с ней что-то не то, он не понимал до сих пор.

— Нин, ты слушаешь? — спросил тогда Виктор.

— Да, — сказала она и тут же поправилась: — Нет.

— Не понял. — Она молчала, и он, вздохнув, спросил. — Ты где?

— Не знаю.

— Тебя похитили? — он попытался свести все к шутке. Ему хотелось домой.

— Нет.

В тот момент она походила на робота гораздо больше, чем тогда, когда он считал, что она запрограммирована на бесконечную работу.

— Где ты находишься? — обреченно уточнил Виктор. — Дома? На улице?

— На улице. — Она помолчала, хихикнула и прочитала название улицы.

Он как будто видел, что улица ей незнакома и название она прочитала.

Она больше не казалась ему роботом. Черт знает кем она ему тогда показалась.

Он забрал ее с незнакомой улицы через полчаса. Она послушно ждала его, стоя у тротуара.

— Садись, — открыв дверь машины, велел тогда Виктор и повез ее к себе домой.

Теперешняя Нина напоминала ту, давнюю.

— Вставай, — велел он сейчас и тут же передумал. — Нет, посиди пока. Я пойду оденусь.

Она послушно ждала, пока он наденет куртку и запрет кабинет, а потом послушно шла за ним к его машине.

Как бездомная собачонка, которую приласкал временный хозяин.

Шел дождь, слабый, но холодный. Мелкие капли падали ей на волосы. Виктору хотелось поднять капюшон ее куртки, но делать это на виду у коллег он отчего-то не рискнул, как будто в этом было бы что-то интимное и не предназначенное для чужих глаз. Непонятно, отчего не рискнул, на мнение коллег ему было наплевать.

Да и коллеги не имели обыкновения глазеть в окна.

* * *

Сегодня из-за дождя детей на прогулку не выводили, и день казался более длинным, чем обычно. Дети визжали, прыгали, Маша легонько их одергивала. Как ни странно, дети ее любили, хотя сама она особых чувств к своим подопечным не испытывала. Она от них уставала.

О том, что дети ее любят, говорили родители. Впрочем, они могли и преувеличить.

Родители для Маши делились на две группы: одни были постоянно чем-то недовольны, другие, наоборот, перед ней заискивали.

И то и другое было лишним, она ко всем детям старалась относиться ровно.

— Все, ребята, кончаем играть, — объявила Маша. — Скоро обед.

За лето она надеялась найти работу получше, в Москве, но это ей не удалось, и она продолжила работать воспитательницей в обычном районном детском саду.

О том, какая у нее зарплата, Маша предпочитала не только не говорить, но и не думать. Жалкая у нее была зарплата. И с голоду не помрешь, и жить нельзя.

Что-то очень несправедливое было в том, что в Москве за ту же работу платили почти в два раза больше. А в частных детских садах еще больше.

Впрочем, Маша к несправедливости давно привыкла. Если, конечно, к этому вообще можно привыкнуть.

Свободная минутка выдалась, только когда она уложила детей спать. Многие не спали, и тех, которым уснуть не удавалось, Маша жалела. Себя помнила ребенком и не забыла, как тяжело маленькому человечку тихо пролежать полтора часа.

Маша тихонько вышла из спальни, достала телефон и удивилась, увидев пропущенный звонок и эсэмэску от сестры. Юля не звонила и не писала в рабочее время, знала, что телефон Маша ставит на тихий режим.

Эсэмэска была короткой: «Гена умер».

Маша немного постояла, сжимая телефон. Знала за собой такое неприятное качество — впадать в ступор, когда случается что-то непредвиденное.

Впрочем, это следовало предвидеть, здоровые мужики не нуждаются в сиделке.

Они с сестрой давно не были дружны. Юля приезжала редко, о себе сообщала мало, выпивала чашку чая, сидя на кухне с Машей и мамой, и снова исчезала на пару месяцев.

То, что сестра живет с женатым мужчиной, не нравилось ни Маше, ни маме, но и у Маши, и у мамы хватало ума Юле свое мнение не высказывать.

Жизнь такова, что не всем счастье сваливается на голову. Иногда за него приходится побороться.

Юля боролась.

Маша отошла от двери и, набирая сестру, с тоской подумала, что заменить ее сейчас некем и потому немедленно поехать к Юле она не сможет.

— Юлечка, хочешь, я приеду вечером? — услышав голос сестры, быстро и тихо спросила Маша. — А лучше приезжай сама. Что тебе делать в чужой квартире?

— Это моя квартира! — зло поправила ее сестра.

Слава богу, она не плакала. Уж лучше пусть злится.

Квартира не могла быть Юлиной, Геннадий не развелся с первой женой. Если бы такое произошло, сестра обязательно похвасталась бы.

Из детской послышались шепот, тихий шум.

— Приезжай, Юлечка.

— Я буду здесь!

От жалости к сестре едва не выступили слезы. Юля была никем семье Геннадия, они вышвырнут ее, как только захотят.

— Хочешь, я приеду?

— Не надо, — Юля не то вздохнула, не то всхлипла. — Вдруг свекор со свекровью заявятся...

Маша не понимала, чем она могла помешать встрече с родителями Геннадия, но спорить не стала. Сестре виднее.

До подъема оставалось еще семь минут, но Маша, войдя в детскую, весело крикнула:

— Подъем! Ура!

Она улыбалась детям и думала о том, что напрасно отказалась от работы няней в одной обеспеченной семье. Деньги предлагали хорошие, и хозяйева, по словам соседки, которая летом предложила познакомить Машу с потенциальными работодателями, были неплохими. Соседка приходила к потенциальным работодателям убирать квартиру.

Маша отказалась сразу, превращаться в обслугу ей решительно не хотелось.

Напрасно отказалась, теперь она ничем не сможет помочь сестре. В смысле, деньгами не сможет. Денег у них с мамой оставалось только дожить до маминой пенсии.

Еще сто тысяч лежали на вкладе на случай непредвиденных обстоятельств, но эти деньги и мама, и Маша трогать боялись.

Только вечером, когда всех детей разобрали родители, Маша подумала, что, жалея сестру, совсем не думает о Геннадии, которому, по-хорошему, еще бы жить и жить.

Впрочем, Геннадия она видела только однажды, когда приехала поздравить Юлю с днем рождения, и, пожалуй, даже не узнала бы его, встретив на улице.

А Юля ее сестра.

* * *

— Заходи, — Виктор отпер дверь, потянул Нину за руку.

В прошлый раз было так же. В прошлый раз она тоже, медленно и послушно расстегнув куртку, положила ее на стул.

Только в прошлый раз ему пришлось включить свет в прихожей, потому что было уже темно.

— Иди сюда, — он прошел на кухню, включил чайник. Полез на полку, достал бутылку коньяка, рюмки.

В прошлый раз он тоже налил ей коньяк, но она к нему не притронулась.

На этот раз Нина коньяк пригубила. Поморщилась и села на табуретку, выдвинув ее из-под стола.

В прошлый раз она сказала ему, что ушла от мужа, потому что больше ему не нужна. Она говорила об этом, нервно хихикая, и ему тогда захотелось убить мерзавца, способного сделать ее такой несчастной.

Если бы она плакала, а не хихикала, она бы такой несчастной не казалась, подумал он.

Еще он тогда неожиданно заметил, что она очень красивая, и удивился, что раньше этого не замечал. Он не понимал, как можно от нее добровольно отказаться.

У нее были черные кудри и хрупкая тонкая фигурка. Еще у нее были большие карие глаза и бледные красивые губы.

В прошлый раз она пробыла у него не дольше получаса. Перестала хихикать, поблагодарила и вызвала такси. Когда уходила, она казалась прежней, нормальной.

И потом, на работе, казалась прежней, тихой и немногословной. Вовремя улыбалась, вовремя делалась серьезной. Когда надо, включала свой талант переговорщика.

Только перестала хвататься за любую работу, как запрограммированный робот.

Виктор налил коньяк себе, выпил. Коньяк обжег горло.

Они никогда не вспоминали тот вечер.

Она вела переговоры и следила за тендерами и бухгалтерией, а он руководил программистами.

Они были отличными компаньонами. Он не прогадал, когда предложил ей организовать совместную фирму.

Виктор полез в холодильник, достал контейнер с готовым салатом, колбасу. Поставил на стол тарелки и вилки.

О чем с ней нужно сейчас говорить, он не представлял.

Он наклонился, чтобы тоже выдвинуть табуретку, и неожиданно понял, что ему хочется, чтобы она никогда не уходила с его захлавленной кухни.

Виктор отпустил табуретку и сунул руку ей в волосы. То есть рука сама туда сунулась. А другая рука опустилась ей на плечо.

Он давно этого хотел, только отчего-то не понимал, что хочет.

Нина его не оттолкнула. Она к нему потянулась.

Губы у нее оказались мягкими и податливыми.

Он на секунду отстранился, заглянул ей в глаза, тут же снова сжал тонкие плечи и удивился, как сильно и громко бьется собственное сердце.

— Мне нравится работать, зная, что ты за стеной, — признался он потом, прижимая ее одной рукой к своему плечу.

Странно, что он только сейчас это понял.

Ему нравилось заходить к ней в кабинет. Нравилось молча на нее смотреть и нравилось спорить.

Он бы умер от скуки, если бы у него не было такого компаньона.

Диван, на котором они лежали, был старый, с потертой обивкой. Неожиданно ему стало неловко за свой диван и за всю эту убогую квартиру, которая давно требовала ремонта.

Почему-то, когда изредка здесь бывали другие женщины, никакой неловкости он не испытывал.

— Я никому тебя не отдам, — сказал Виктор.

Она приподнялась, заглянула ему в лицо и грустно благодарно улыбнулась. А потом потянулась за брошенной на пол одеждой.

— Не уходи, — попросил он.

Она наклонилась, поцеловала его в краешек губ и начала быстро одеваться.

— Не уходи, Нина. Пожалуйста.

Она провела рукой по его щеке. Он поймал пальцы, сжал.

— Выходи за меня замуж.

— Не могу, — прошептала Нина.

— Почему? — не понял он. — Его же больше нет. Тебе со мной плохо?

— Ты даже не представляешь, как мне с тобой хорошо. И не представляешь, как я тебе благодарна.

— За что?

— За то, что ты у меня есть, — почему-то она продолжала шептать.

Виктору нравилось слышать, что он у нее есть.

— Выходи за меня замуж.

— Сейчас не могу.

— Почему?

— Я хочу отомстить.

— Но его же больше нет!

Ему было так хорошо, что она рядом, и так не хотелось думать ни о чем другом, что в слова он почти не вслушивался.

Нина пошевелила пальцами, высвобождая руку, снова поцеловала его в краешек губ и вздохнула:

— Вот именно!

Когда захлопнулась дверь, он пожалел, что не удержал ее силой.

* * *

Думать о том, что она отомстит, было проще и легче, чем о чем-то другом, и Нина цеплялась за эту мысль.

Другие мысли вызывали такую боль, которую она, пожалуй, не испытывала даже тогда, когда Гена сказал ей, что ему нужна Юля.

Тогда она просто отупела и казалась себе попавшей в какую-то другую реальность, ей даже удавалось смотреть на все происходящее со стороны, как будто она была зрительницей, случайно попавшей на пошлую плохую мелодраму.

Тогда в любой момент можно было позвонить Геннадии и сказать, что он подлец и что она его презира-

ет. Еще можно было соврать, что без него ей гораздо лучше и легче, но этого Нина не сказала бы. Она знала, что он умирает, и продолжала его жалеть.

Она ни разу ему не позвонила, и он ей тоже.

Теперь позвонить стало некому. Некому солгать и некому сказать правду. Правда заключалась в том, что он не стал ей чужим даже после того, как так подло и отвратительно с ней поступил.

Еще правда заключалась в том, что Нина до последнего дня ждала, что он ей позвонит. Всерьез обдумывала, вернется к нему или нет, если он снова ее позовет.

Дождь перестал. В лужах отражался свет фонарей.

Метро было совсем рядом. Нина сделала несколько шагов, вернулась к подъезду и, поставив сумку на мокрую лавочку, достала из нее телефон.

Хорошо, что она не удалила номер Юли из контактов.

— Я даю тебе три дня, чтобы ты убралась из моей квартиры, — услышав «алло», быстро сказала Нина.

Юля что-то затараторила, но она не стала слушать и сбросила вызов.

Идти к метро расхотелось. Нина вызвала такси, потрогала лавку и, ожидая машину, села на нее, несмотря на то, что доска была мокрая. Ей показалось, что у нее разом кончились силы.

27 сентября, вторник

Сестра не звала ее на похороны, но Маша все равно поехала. Правильно сделала, все пошло не так, как она себе представляла.

Народу у морга было много, но Юля стояла одна. Остальные собирались группами и явно были между собой знакомы. Геннадий был журналистом, не слишком известным, но знакомства в свое время имел обширные, и то, что проводить его пришли многие, было ожидаемо.

К Юле не подходил никто. Подходили к высокой черноволосой даме, стоявшей рядом с пожилой парой. Жена, поняла Маша. Жена и ее родители.

Родители Геннадия не могли стоять с таким скорбным, но спокойным видом.

Сестра обрадовалась, увидев Машу. Даже уцепилась за нее.

— Где его родители? — тихо спросила Маша.

— Сейчас подъедут, — Юля дернула головой.

Большого контраста, чем между Юлей и бывшей женой, не могло быть. Жена тонкая, высокая и черноволосая, а Юля маленькая пухленькая блондинка.

Но главное даже не в этом. У жены спокойный взгляд уверенной в себе женщины, в меру скорбный,

в меру равнодушный. Юля же нервно покусывала губы и явно чувствовала себя лишней, ненужной.

Толпа раздалась, пропуская пару, которую нельзя было спутать ни с кем. От медленно шедших мужчины и женщины почти осязаемо исходила волна горя.

Юля, отпустив Машу, метнулась к матери Геннадия, но пожилая женщина, словно не заметив ее, шла к жене. Та тоже подалась ей навстречу, обе быстро обнялись, мать заплакала.

На Юлю никто не обращал внимания.

И потом никто не обращал на нее внимания, и во время панихиды ей даже не удалось приблизиться к гробу, как остальным родственникам.

Хорошо, что Маша приехала.

— Не надо ехать на поминки, — шепнула она сестре.

Ничего, кроме нового унижения, не предвиделось.

Юля согласно кивнула. Но когда все вышли из морга, сестра, распахав толпу, пробилась к жене, увлекая за собой Машу.

— Гена написал завещание, — сказала Юля жене. — Он все завещал мне!

Наверное, хотела сказать с вызовом, а получилось жалко.

Жена равнодушно посмотрела поверх Юлиной головы, поморщилась и безразлично процедила:

— Квартира моя. Чтобы завтра же тебя там не было! Впрочем, — она лениво махнула рукой, — даю тебе еще неделю. Не больше!

Отец Геннадия подвел к жене плачущую супругу.

Маша потянула сестру в сторону, а потом к выходу с территории морга.

10 октября, понедельник

От каждого звонка свекрови тоскливо сжималось сердце. Свекровь не плакала и не жаловалась, а сердце сжималось.

Нина предпочла бы, чтобы свекровь еще на похоронах уцепилась не за нее, а за Юлю и чтобы звонила ей, и Нина могла бы совсем не вспоминать о свекрови. Днем она бы думала только о работе, а по вечерам приезжала бы к Виктору и жалела, что только сейчас открыла, как ей с ним хорошо.

— Как дела, девочка? — спросила свекровь.

— Нормально, — ответила Нина. — Как вы?

— Да как... Илья на работу поехал, а я вожусь с обедом. Ты бы заехала как-нибудь, Ниночка.

— Заеду, — пообещала Нина.

Обычно она приезжала к родителям Геннадия только вместе с мужем, да и то редко, несколько раз в год. Свекровь подкладывала салат ей в тарелку, расспрашивала о работе, передавала привет родителям, и все с облегчением вздыхали, когда визит заканчивался.

— Простите, Любовь Васильевна, я сейчас занята, — соврала Нина.

— Да-да, конечно, — виновато засуетилась свекровь. — Ты звони, не пропадай.

Нина пообещала не пропадать.

Работать расхотелось начисто. Нина попыталась сосредоточиться на требованиях очередного конкурса, но не смогла. Попробовала разложить на экране пасьянс, но и этим заниматься было скучно.

Заглянул Виктор. Нину сразу окутало чем-то теплым, уютным.

Она не помнила, чтобы такое происходило с ней, когда она была с Геннадием.

Гена был известным человеком, а она никем. Нина это знала и гордилась тем, что он на ней женился.

— Посиди минутку, — попросила Нина.

— Бездельничаешь? — Виктор посмотрел на экран.

Ей уже давно было хорошо рядом с ним. Если бы Нина постоянно не помнила, что Гена все еще ее муж и он умирает, новую жизнь можно было бы начать раньше.

— Любовь Васильевна звонила, — вздохнула Нина.

Виктор провел рукой по щеке, послушно сел рядом.

— Она раньше вообще мне не звонила. Только на день рождения.

Нине хотелось опять не думать о свекрови, как она не думала о ней раньше.

Она достаточно пострадалась и имеет право на счастье, а теперь свекровь мешает ей быть счастливой.

— Ну что ты молчишь!

Виктор потянул ее к себе за шею, поцеловал в висок.

— Мне ее жалко, — пожаловалась Нина и решила: — Съезжу я, пожалуй, на ту квартиру. Срочного пока ничего нет. Съезжу.

О какой квартире идет речь, Виктор понял сразу. Взгляд его из ласкового стал настороженным.

Она погладила его по руке.

— Нужно проверить квартиру. Мало ли что...

Нужно выбросить продукты, если таковые в квартире есть, отключить холодильник. Проверить, закрыты ли окна.

— Давай вечером вместе съездим, — предложил он.

Ему не нравилось, когда она от него уезжала.

Геннадью не нравилось, когда она подолгу была дома.

— Вместе тоже можно съездить, — Нина решительно выключила компьютер. — Я ненадолго. Съезжу и сразу вернусь.

Затея ему не нравилась, но он промолчал.

Жаль, что они потеряли много времени. Она страдала, тосковала и мечтала отомстить, а на самом деле все это ей не нужно. Ей нужно, чтобы Витя смотрел на нее ласково и она знала, что очень ему нравится.

Навигатор показал, что ехать придется минут сорок. Раньше, когда она жила с Геннадием, она добиралась быстрее. Машин в городе прибавлялось с каждым годом.

Нина спешила домой, вбегала в квартиру и заглядывала в бледное лицо.

Иногда Гена ей улыбался, иногда устало и недовольно морщился.

— Почему так поздно?

Она не обижалась и не начинала объяснять, что у нее много работы. Она видела, как ему плохо, и мечтала только о том, чтобы болезнь отступила.

Больные люди всегда капризничают, она относилась к этому спокойно.

И к тому, что Гена улыбается и даже шутит с Юлей, а на Нину почти не смотрит, относилась спокойно.

И получила то, что получила.

Двор оказался перегороженным шлагбаумом, она потратила минут десять, чтобы пристроить машину.

Если они поменяли замки, я туда не попаду, доставая ключи, с досадой подумала Нина. Придется вызывать полицию, чтобы вскрыть дверь.

Ключ от подъезда подошел. Она снова захлопнула подъездную дверь и набрала код домофона. Код оказался прежним, дверь запищала.

Подъезд не изменился. Только стены теперь были покрашены другой краской и в лифте висело другое зеркало.

Выйдя из лифта, она шагнула к своей бывшей квартире и не заметила бы стоявшую у окна девушку, если бы та не сделала к ней пару шагов.

Девушка смотрела на Нину с испугом.

Кажется, они узнали друг друга сразу. На похоронах Нина старалась не замечать Юлю, но то, что Генина любовница жметя к очень похожей на нее девице, заметила.

Похороны вообще прошли так, как Нина могла только мечтать. Юлю все демонстративно не замечали, а Нине соболезновали.

Когда Юля с незнакомой девкой исчезли, Нина поняла, что лучшую месть придумать было сложно.

Ей больше не хотелось мстить Юле.

Юля осталась в прошлой жизни, с которой Нину больше ничто не связывало. Разве что звонки свекрови.

* * *

Сегодня у Ильи Никитича была только одна лекция. Он ненадолго появился на кафедре, наспех проконсультировал аспиранта и поспешил домой.

Казалось, что страх за жену усиливался с каждым метром по мере приближения к дому. В аудитории страх пропал, ему удавалось отключиться, а на улице и в метро наваливался тяжкой ношей.

Страх вновь отпускал только дома, когда он видел, что ничего страшного с Любой не произошло, она смотрит телевизор, или читает какой-нибудь детектив, или слушает музыку, сидя у окна.

Сегодня она сидела у окна в тишине.

— Ты что-нибудь ела? — повесив куртку, спросил он.

— Тебя ждала, — виновато улыбнулась жена.

Ему было бы легче, если бы она плакала. Тогда он ее успокаивал бы, и это казалось естественным и понятным.

Она не плакала, она разговаривала так, как будто в их жизни ничто не изменилось.

Внешне действительно мало что изменилось. Они много лет виделись с Геной редко и мало что знали о его делах.

Когда сын заболел, они делали для него все, что было в их силах, но при этом их жизнь продолжала оставаться прежней. Они заботились друг о друге, по вечерам смотрели какие-нибудь фильмы или читали что-то, устроившись в креслах.

— Пойдем обедать, — Илья прошел на кухню, открыл холодильник.

Тарелки с двумя пирожками, которую он утром здесь видел, не было.

На столе стояла Любина чашка с недопитым чаем.

Чай с пирожками не лучший завтрак, но хорошо, что жена позавтракала хотя бы этим.

Илья достал из холодильника кастрюлю с борщом, поставил на плиту. Борщ Люба любила.

Пару раз в неделю к ним приходила девушка, приносила продукты, готовила. Пожалуй, было бы лучше, если бы Люба готовила сама, любое дело отвлекает от горя.

Жена подошла, тихо села за стол, вздохнула.

— Совсем нет аппетита.

— Съешь хотя бы немного, — попросил он.

Борщ закипел, Илья наполнил тарелку, поставил ее перед женой.

Грязную чашку поставил в мойку.

— Как на улице? — спросила Люба.

— Холодно.

Он наполнил вторую тарелку, сел напротив жены.

— Но дождя нет. И ветра нет. Хочешь, пойдем погуляем?

— Ты, наверное, устал, — вздохнула Люба.

— Я не устал. И прогулка для меня отдых, а не работа, — улыбнулся Илья.

— Ты точно не устал?

— Точно. Что на второе будем?

— Я ничего. Борщ еле-еле доела.

Илья не стал настаивать, бодро сказал:

— Пойдем гулять. Только одевайся потеплее.

Подумал, не вымыть ли посуду, пока жена одевается, решил вымыть, жена обычно одевалась долго.

Прогулка оказалась неудачной. Пошел дождь, и пришлось вернуться.

* * *

— Здравствуйте, — девка, которая была с Юлей на похоронах, торопливо подошла к Нине.

На похоронах она была в накинутом на ворот куртки черном шарфе. Сейчас шарфа не было, под

сползшим капюшоном торчали неопрятные блеклые пряди.

В глазах девицы стояли слезы.

— Что вам угодно? — сузила глаза Нина.

— Я не могу дозвониться Юле, — промямлила девка.

— А я здесь при чем? — поразилась Нина.

Если бы не слезы, которые потекли у девки из глаз, она бы решительно ее обошла и захлопнула перед ней дверь.

Слезы помешали это сделать.

— При чем здесь я? — повторила Нина.

— У нее пятый день не отвечает телефон, — девка достала из кармана носовой платок, вытерла нос. — Я не могу попасть к ней в квартиру.

— Это моя квартира! — отрезала Нина.

Этого не надо было говорить. Выходило, что Нина оправдывается.

Надо было посмотреть на эту дуру, как на свежую коровью лепешку, и молча пройти мимо.

— Извините.

Девка на Юлю и походила, и нет. У Юли был робкий взгляд притворяющейся стервы. Правда, Нина слишком поздно поняла, что за робостью Юли таится большая решительность.

Эта рыдала вполне искренне. Впрочем, не исключено, что у них в семье актерский талант передается генами.

В остальном же девица была почти копией Юли. Маленькая, кругленькая, бесцветная.

Нина обошла девку, молча отперла дверь, помедлила и буркнула:

— Проходите!

Входить в квартиру было противно, и неожиданно она поразовалась, что входит сюда не одна.

Квартира досталась Нине от старой родственницы. Сначала родители хотели ее сдавать, но для этого надо было сделать ремонт, потом заниматься поиском квартирантов. На это у мамы с папой не нашлось ни времени, ни желания, и квартира несколько лет пустовала.

Ремонт они сделали только перед Нининой свадьбой в качестве подарка.

В квартире царил бардак.

В прихожей висели две куртки Геннадия, на пыльном полу валялся черный мужской зонт.

Посредине комнаты стояла открытая дорожная сумка. Видимо, Юля складывала туда свою одежду, из сумки торчал рукав красного свитера.

Девка стояла за Нининой спиной, по-деревенски прижимая носовой платок ко рту.

Квартира была однокомнатной. Юли в квартире явно не было.

— У нее пятый день не отвечает телефон, — еле слышно повторила девица.

Нине хотелось напомнить, что та это уже говорила, но она поморщилась и зло посоветовала:

— Посмотрите, может, телефон здесь оставила.

Юлины вещи валялись везде, на стульях, на кровати.

Девица вошла в комнату, огляделась и жалобно и обреченно посмотрела на Нину.

— Меня зовут Маша.

Нина представляться не стала. Смотреть на девку Машу ей было противно, и она смотрела сквозь нее.

Кажется, это у нее неплохо получалось.

— Ты умеешь быть очень высокомерной, — заметил как-то Геннадий.

— Это плохо? — серьезно спросила тогда Нина.

— Это забавно, — засмеялся он.

Это было совсем давно, когда Геннадий был здоров, весел и его даже иногда узнавали на улице. А Нина тогда только начала работать и не предполагала, что начнет продвигаться по карьерной лестнице быстро и уверенно.

— Я могу еще чем-нибудь помочь? — издевательски вежливо спросила Нина и неожиданно почувствовала слабый укол совести.

Вид у Маши был затравленный, издеваться над ней было нехорошо.

Маша молча повернулась и пошла к двери.

— Подождите, — вздохнув, остановила ее Нина. — Запишите мой телефон. Так, на всякий случай.

Девушка послушно достала смартфон, принялась тыкать в него под Нинину диктовку. Потом тихо закрыла за собой дверь.

Валяющиеся Юлины вещи вызывали злость и брезгливость, мешали нормально осмотреть квартиру.

Квартиру надо продать. Жаль только, что в ситуации полной санкционной неопределенности деньги могут превратиться в пыль. Можно остаться и без денег, и без недвижимости. В долларовом эквиваленте недвижимость не будет расти в цене, жилья понастроили столько, что уже сейчас сюда можно переселить всю Россию.

За месяц до того, как Геннадий объявил, что ему нужна Юля, умерла бабушка. Нина ее любила, но страх за Гену тогда забирал все силы, и бабушку она почти не оплакивала.

Она поехала в пустую бабушкину квартиру, когда пришла в себя у Виктора. В квартире до сих пор все было как при бабушке. Заниматься квартирой Нине не хотелось, и она не занималась.

Куплю новую мебель, неожиданно решила Нина. С импортной могут быть проблемы, но дорогая отечественная тоже неплохая. Куплю новые светильники.

А сюда больше не поеду.

Стараясь не смотреть на Юлины вещи, она быстро вышла из квартиры и заперла дверь.

Потраченного времени было жаль.

* * *

Что еще можно сделать, Маша не представляла. Она звонила сестре начиная с четверга. Юлин телефон был отключен.

Сестра с телефоном не расставалась. Даже приезжая к маме и Маше, постоянно в нем копалась.

Забеспокоилась Маша не сразу. Сестра не баловала ее частыми звонками, и в том, что они уже несколько дней не разговаривали, ничего необычного не было. Сначала Маша ждала, что Юля сама объявится, а начиная с выходных не находила себе места.

В субботу не выдержала и поехала к Юле домой. Дверь оказалась запертой, и Маша уехала ни с чем.

В воскресенье приехала снова, только сразу не уехала, несколько часов прождала у запертой двери, стараясь не замечать, как на нее косятся соседи.

Если бы не язвительная женщина за дверью, Маша опять прислонилась бы к стене около лифта и снова стала бы ждать. Это было проще, чем ехать домой и видеть маму.

Жена Геннадия смотрела на Машу с таким презрением и ненавистью, что остановиться у стены Маша не рискнула, спустилась вниз, во двор. Заметила лавочку у детской площадки и села на лавочку. Та стояла удачно, спиной к подъезду.

Детская площадка была пуста. С растущего рядом клена на качели с тихим шуршанием падали последние листья.

— Юля не звонила? — спросила мама в пятницу, когда Маша пришла с работы.

— Звонила, — бодро ответила Маша. — У нее все нормально.

Мамин сотовый работал плохо, голоса собеседников еле доносились, и мама им почти не пользовалась. Они давно собирались купить новый, но так и не собрались.

В пятницу Маша этому впервые порадовалась. В пятницу она уже сильно волновалась за сестру и не хотела, чтобы мама волновалась тоже.

— Юле надо переехать к нам, — сетовала мама. — В горе надо с родными людьми быть, а не одной.

— Она не хочет, — объясняла Маша.

Сестра сняла квартиру в Москве давно, как только уволилась из больницы, в которой работала после окончания медучилища. Она тогда устроилась сиделкой к какому-то старику и получать стала заметно больше.

Маша сестру от съема квартиры отговаривала. Ездить к подопечному было не ближе, чем из дома, квартирка запущенная, убогая, а денег за нее хозяйева просили немалые.

Юля сняла квартиру, домой стала приезжать редко и о своей личной жизни почти не рассказывала.